Корзун Валентина Павловна
д-р ист. наук, профессор
Кротт Иван Иванович
канд. ист. наук, доцент

ФГБОУ ВО «Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского»
г. Омск, Омская область

О ЖИЗНЕННЫХ ЦИКЛАХ НАУЧНЫХ ШКОЛ: ОСМЫСЛЕНИЕ ОПЫТА ОМСКОЙ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

Аннотация: *в фокусе внимания авторов проблема зарождения и развития омской историографической школы. Школа рассматривается как неформальное сообщество, возникшее на базе официальной институции Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского. Основываясь на подходах социологии науки к научным сообществам, выделены фазы/ жизненные циклы развития научной школы – становление/оформление, подъема, стабилизации, институционального сбоя, «пересборки». Сделан вывод, что на сегодняшний день мы имеем дело с гетерогенным и мозаичным сообществом. Выявлены факторы как объективного, так и субъективного плана, повлиявшие на судьбу научной школы.*

Ключевые слова: *историография, научная школа, омская историографическая школа, научное сообщество, меняющееся коммуникативное пространство, публикационное пространство, научная политика университета, складывание и разрыв научных школ.*

К постановке проблемы. Схоларную проблематику можно считать своеобразным маркером современной историографии. В отечественной традиции, она пережила свое второе рождение в 1990–2000-е годы. Научные школы были представлены в различных измерениях: институциональном, антропологическом, культурологическом, коммуникативном. Но исследовательский объектив был

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

направлен преимущественно в прошлое в жизни научных сообществ, с подчеркиванием роли научных школ в «творении исторической памяти, как важного фактора вышколивания» и самоидентификации. Это время, своего рода «золотые десятилетия» схоларного историографического торжества. Сквозной темой, придававшей внутреннее напряжение историографическому сообществу, была тема определения дефиниции «научная школа» и выявление индогенных и экзогенных факторов зарождения школ в науке, вырисовывалась портретная галерея отцов – основателей, актуализировались исследования типологизации школ. Основные характеристики данного историографического процесса отражены в совместных публикациях Г.П. Мягкова и одного из авторов этой статьи В.П. Корзун [7; 8]. Такую ситуацию в науке мы назвали – «схоларным куражом» [8, с. 379]. Но уже в этот период проявляются ноты, диссонирующие с общим пафосом отношения как к схоларным исследованиям, так и роли научных школ в истории науки, что наиболее ярко, с известной долей провокации, представлено в монографии Г.Ю. Любарского, посвященной истории зоологического музея в МГУ [4]. По Любарскому – школа в науке – символ авторитаризма, феодализм в науке. И соответствующий прогноз – в исторической перспективе угасание научных школ. Аналогичная деструкция характерна для работ В.В. Ващенко. Оппозиция апофеозу научных школ проблематизирует изучение их жизненных циклов. Сошлемся на исследования Корзун В.П. и Мягкова [8, с. 406–408], С.Б. Криха [10], Сыченковой [12] и др. Наша статья – опыт самопознания «жизни и смерти» или перерождения омской школы историографии. Представляется важным сделать несколько вводных ремарок. Мы не самозванцы, объявившие себя школой. Это определение сложившегося в Омске историографического сообщества, появилось в начале 2000 годов как признание извне, и в определенном смысле оно несколько диссонировало с процессом внутренней самоиндентификации, но придало нам уверенности и определенной программности действий.

Следующая ремарка – пояснение степени участия авторов статьи в жизни школы. Один из авторов, В.П. Корзун, стояла у истоков омской историографии, являлась активным координатором этого процесса. Другой, И.И. Кротт, на

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

протяжении многих лет был ученым секретарем диссертационного совета по специальности 07.00.09. Такая укорененность в живую ткань «творения историографов» оправдывает нашу попытку самоописания феномена омской научной школы.

Мы исходим из общего науковедческого посыла, раскрывающего логику развития любого сообщества, переживающего фазы становления/оформления, подъема, стабилизации, возможного институционального сбоя и его «пересборки». Методологическая основа статьи носит междисциплинарный характер, она сформирована на пересечении интеллектуальной истории, социологии науки и историографии. Избранный ракурс позволяет рассматривать омскую историографию не как набор отдельных сюжетов, а как динамическую систему, чувствительную к внешним и внутренним вызовам.

Под историографической школой понимается устойчивая форма научной кооперации, обладающая рядом взаимосвязанных признаков: наличием признанного лидера (хотя речь может идти и о безлидерных школах) и исследовательской программы; общей проблематики, связанной с историей исторического знания; практиками подготовки кадров, включающей руководство дипломными и аспирантскими работами («вышколивание»); регулярными коммуникативными площадками – конференциями, семинарами, сборниками; идентичностью участников, осознающих свою принадлежность к данному направлению, наконец, признанием со стороны исторического сообщества. Выбирая срединную трактовку научной школы (между двумя крайностями признания ее неформальной организацией или формальной, институционально привязанной к учебному заведению, кафедре), мы к выше перечисленным признакам, добавим, что это «неформальная социальная группа профессиональных ученых, существующая в рамках <… > официальных институций [11, с. 33].

Историографический десант. Точкой роста историографии и складывания научного историографического сообщества становится открывшийся в 1974 году Омске классический университет. Некоторые особенности его открытия в силу случайных обстоятельств, явились благодатной почвой для взращивания

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

историографического ростка. Во-первых, университет организовывался «с чистого листа», а не на базе пединститута, как было типично для того времени, с приглашением специалистов, представляющих различные университетские культуры. Так из университетского Томска, с уже известной в стране историографической школой, в Омске оказался Г.К. Садтретдинов, незадолго до этого защитивший кандидатскую диссертацию по историческим взглядам А. Пиррена. Он же был тесно связан и с казанской историографической школой. А В.П. Корзун приехала в Омск после окончания аспирантуры Ростовского университета, где сложилась школа источниковедения проф. А.П. Пронштейна и утверждался захватывающий науковедческий контент через репрезентацию творчества В.И. Вернадского и социологию и философию науки в работах Томаса Куна, тогда еще не переведенного на русский язык, Имре Лакатоса, Карла Поппера, что популяризировалось ректором университета членом-корреспондентом АН СССР Ю. А. Ждановым. Садретдинов и Корзун стали читать курсы по историографии отечественной истории и по историографии всеобщей истории, разрабатывая собственную историографическую тематику, осуществляя руководство дипломными и аспирантскими работами по историографии. Историография – сфера их научной деятельности. Как видим, формирование омской историографической школы было связано с несколькими факторами: переносом исследовательских традиций из Томска, Казани и Ростова-на-Дону; наличием активных ученых, способных не только читать курсы, но и формировать исследовательскую программу; институциональной поддержкой со стороны руководства университета; наконец, стихийной самоорганизацией исследователей, стремившихся к адаптации в новых условиях в общем негуманитарного города, к преодолению профессиональной изоляции. Именно сочетание «внешнего» импульса и «внутренней» потребности в коммуникации позволило превратить историографию из учебной дисциплины в поле научного творчества. В этом смысле омский случай демонстрирует, что региональная научная школа возникает не только и не столько благодаря административным решениям, но и в результате

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

неформальных интеллектуальных сетей, «невидимого колледжа», который постепенно обретает институциональные формы.

Меняющийся институциональный и интеллектуальный ландшафт.

Процесс становления омской историографии совпал с изменениями в дисциплинарной и организационной структуре советской исторической науки, когда иерархия «центр – провинция» была поколеблена, а местами и разрушена уже к середине 1980-х гг., и появилась большая возможность для переформатирования поля науки, что объективно способствовало интеллектуальной самоорганизации исторического сообщества и всплеску творческого производства идей.

Обратим внимание и на меняющийся институциональный ландшафт в хронологическом пространстве на протяжении более чем тридцати лет. Период конца 1980-нач. 2000-х гг. в развитии историографии условно назван романтическим [1, с. 144]. На переломе эпох институциональное поле исторической науки расширяется за счет появления принципиально новых для г. Омска научных институтов. Крупнейшим из них является Омский филиал Института археологии и этнографии сибирского отделения РАН (ИАЭТ СО РАН), который был создан в 1991 г. как Омский филиал Объединённого института истории, филологии и философии СО РАН (далее – ОФ ОИИФФ СО РАН [9, с. 24]. Практически одновременно с ним был открыт Сибирский филиал Российского института культурологии. Институциональная карта исторической науки в масштабах города включает в себя музеи и архивы различной ведомственной принадлежности. Омская ситуация не является уникальной в общероссийском масштабе. Сходные процессы – ослабление иерархии «центр – провинция», рост региональных историографических сообществ, поиск новых форм идентичности – наблюдались в Томске, Казани, Перми, Екатеринбурге, Новосибирске. Однако омский случай обладает важной спецификой: здесь историографическая школа формировалась 1) не на базе старейшего университета, а в условиях «с чистого листа» открывавшегося классического университета (о чем мы уже упоминали выше), что придало ей большую мобильность, открытость к междисциплинарным заимствованиям и

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

ориентацию на коммуникативные эксперименты и 2) в едином пространстве «отечественников» и «всеобщников».

С середины первого десятилетия 2000-х гг. обозначается новый этап, названный «компрессионным», связанный с реформированием системы высшего образования сверху [1, с. 145]. Институциональное поле исторической науки сжимается. Этот этап характеризуется закрытием ряда гуманитарных факультетов, диссертационных советов, значительным сокращением финансирования академических структур гуманитарного профиля, переформатированием исследовательского института культурологии, сокращением филиала академического института до одной лаборатории, существенным уменьшением набора студентов на исторические факультеты, отказом от ряда инноваций в вузовской сфере, закрытием научных периодических изданий. Но в тоже время в 2004 г. был открыт диссертационный совет в ОмГУ, просуществовавший до 2007 года, а в январе 2014 г. открыт объединенный диссертационный совет на базе ОмГПУ по специальностям «Отечественная история», «Историография, источниковедение и методы исторического исследования». Первое десятилетие этого этапа оказалось противоречивым, но, как это не парадоксально, весьма продуктивным для омской историографии.

Пик и стабилизация: коммуникативное плато.

Именно с середины первого десятилетия XXI века в научном сообществе заговорили об омской историографической школе. За это время было защищено как в омских Советах, так и в других историографических центрах, 8 докторских диссертаций и 22 диссертации на степень кандидата наук по специальности 07.00.09., из них 8 защищено в объединенном совете. Важным консолидирующим фактором сообщества стало издание историографического сборника «Мир историка». С 2005 по 2019 гг. издано 12 томов. Данная коммуникативная площадка объединила историографов – «всеобщников» и «отечественников», – озадаченных проблематикой профессии историка в длительной ретроспективе и перспективе и дисциплинаризаии историографии с пристальным интересом к эгоисточникам. По определению одного из современных авторов, «Мир

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

историка», издание, определяющее лицо «омской историографической школы», показало многочисленные и неизведанные до той поры темы и грани историографического исследования» [5, с. 163]. Анализ тематики и авторского состава двенадцати томов «Мира историка» показывает, что издание выполняло одновременно несколько функций: научно-исследовательскую, коммуникативную, мнемоническую и идентификационную. На его страницах представлены как традиционные проблемы истории исторической науки, так и новые для историографии сюжеты – коммуникационные практики историков, каналы трансляции профессорской культуры, профессорская семья, конфликты в научной среде, интеллектуальный быт, биографика, дисциплинарные трансформации [6, с. 26–27]. Каждый том включал публикацию преимущественно эго-источников и интервью с историками. География авторов – от Москвы и Казани до Принстона и Йеля – свидетельствует о том, что локальный сборник смог выйти за рамки регионального издания и стать площадкой общероссийского и отчасти международного диалога. Тем самым «Мир историка» может рассматриваться не только как источник, но и как самостоятельный фактор институционализации омской историографической школы [6, с. 12–28]. По О.Б. Леонтьевой «Мир историка» стал не просто площадкой интеллектуального взаимодействия ученых, связанных общими интересами, но пространством научной рефлексии» [3, с. 17].

Работая командой над сборником, напряженное говорение об историографической проблематике, особенно на научных конференциях, стало фактором и внутренней самоидентификации школы. В ядро команды входили – С.П. Бычков, А.Г. Быкова, В.Ю. Волошина, В.П. Корзун, Н.В. Кефнер, С.Б. Крих, М.А. Мамонтова, Б.А. Осадченко, В.Г. Рыженко А.В. Свешников. Историографическому взлету мы безусловно обязаны Всероссийскому Обществу интеллектуальной истории под руководством члена-корреспондента АН РАН, профессора Л.П. Репиной.

К концу второго десятилетия XXI в. наблюдается институциональный сбой в организации омских историографических исследований. Внешнее выражение этого процесса – реорганизация кафедры Отечественной истории и

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

историографии ОмГУ. Из наименования кафедры исчезает предмет наших исследований – историография, прекращается издание «Мира историка», меняется кадровый состав кафедры, манифестируется позиция – «Кому нужна эта историография». Историографы вытесняются из университета. В это время уходят из жизни (несколько ранее) Г.К. Садретдинов, в 2021 году на пике своего творчества – А.В. Свешников. Вытесненная на периферию историография продолжает существовать на иных коммуникативных площадках. Молодые историографы к.и.н. Ольга Метель и к.и.н. Артем Клюев в 2021 году создают подкаст по истории исторической науки. В феврале 2023 года А.И. Клюев заявляет семинар «Феномен русской медиевистики: люди, концепции, институты», который вскоре по составу участников и слушателей становится общероссийским. Подкаст и регулярный онлайн-семинар могут быть описаны в терминах «невидимого колледжа» и «распределённой научной коммуникации». Они компенсируют дефицит формальных институций, обеспечивая регулярный обмен идеями, поддержку молодых исследователей и выход на общероссийскую аудиторию. В отличие от традиционного сборника, эти форматы обладают большей гибкостью, скоростью реакции и доступностью, однако они же ставят перед сообществом новые вопросы: как обеспечивается экспертиза, как фиксируется научный результат, как сохраняется преемственность. Таким образом, цифровые и внеинституциональные формы коммуникации не отменяют историографическую традицию, а проблематизируют её границы, требуя сочетания классических и новых способов научного производства. Но факт остается фактом: существование «Университета на обочине» оказалось недолгим. Молодое поколение омских историографов оказывается востребованным в московских вузах и академических учреждениях столицы и покидает Омск (В.С. Груздинская, О.В. Метель, А.И. Клюев).

Подведение итогов. В какой же фазе оказалась омская историографическая школа? Институциональный сбой конца 2010-х – начала 2020-х гг. не следует интерпретировать исключительно как локальную неудачу или следствие исключительно кадровых решений, которые, безусловно, оказывают огромное влияние на интеллектуальную атмосферу, на процесс продуцирования научного знания, на

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

целостность научной школы. В логике жизненного цикла научной школы сбой представляет собой в известном смысле, закономерную фазу, на которой прежние механизмы воспроизводства – кафедра, диссертационный совет, печатный сборник – перестают обеспечивать устойчивость сообщества. Но кризис институциональных форм не тождествен кризису исследовательской программы. Перемещение историографической активности в подкасты, онлайн-семинары, музеи и академические лаборатории свидетельствует о том, что дисциплина не исчезает, а меняет способы своего существования. Это позволяет говорить не о «смерти» школы, а о фазе её «пересборки» в новых коммуникативных и институциональных условиях, другое дело – худших или просто иных и состоится ли она.

Что же остается в сухом остатке? Отсутствие насыщенного интеллектуального бульона в поредевшем сообществе, разрозненность «историографических внуков», гетерогенное, мозаичное сообщество. Перспективы этого сообщества зависят от способности соединить интроспективную и прогностическую функции историографии: с одной стороны, сохранить память о собственной истории, с другой – предложить инструменты анализа новых вызовов науки. В этом контексте особая роль принадлежит личностному фактору, эпистемическим добродетелям исследователя и готовности «зажигать звезды» здесь и сейчас, к формированию мобильных коллабораций, способных выходить за пределы локальной изоляции. В теоретическом плане, в известном смысле ответом на эту проблему, является зарождение нового проблемного поля – рассмотрения института наставничества в высшей школе, как в рамках схоларной проблематики, так и в рамках университетских преподавательских практик, направленных на формирование научных ценностей в отношении науки и акцентации корпоративной памяти. Абрис этого поля блистательно представлен в статье Т.Н. Ивановой «Наставничество и функционирование научных школ в современной исторической науке» [3, с. 300–310]. Статью можно рассматривать как своего рода ответ на современный скепсис в отношении научных школ, и как актуализацию концепций личностного знания.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Окончим нетрадиционно для классической статьи – поздравлением в адрес Татьяны Николаевны Ивановой с юбилеем, с пожеланием творческого накала и с благодарностью за новые идеи. Наука – это бесконечное удивление…

Список литературы

1. Груздинская, В. С. Омские историки на рубеже XX – XXI веков: штрихи к коллективному портрету / В. С. Груздинская, В. П. Корзун // Вестник Пермского университета. История. – 2019. – № 2 (45). – С. 142–154.

2. Иванова, Т. Н. Наставничество и функционирование научных школ в современной исторической науке / Т. Н. Иванова // Диалог со временем. – 2025. – № 92. – С. 300–310.

3. Леонтьева, О. Б. Историографическая симфония профессора В.П. Корзун / О. Б. Леонтьева, Г. П. Мягков, Л. П. Репина // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. – 2023. – Т. 84. – С. 5–25.

4. Любарский, Г. Ю. История зоологического музея МГУ: идеи, люди, структуры / Г. Ю. Любарский. – Москва : Товарищество науч. изд. КМК, 2009. – 743 с.

5. Клюев, А. И. Двадцать пять заседаний научного семинара: «Феномен русской медиевистики: люди, концепции, институты» / А. И. Клюев // Средние века. – 2026. – № 2. – С. 160–170.

6. Корзун, В. П. Современное историографическое сообщество и его поиски на страницах «Мира историка» / В. П. Корзун, С. П. Бычков, С. Б. Крих // Мир историка: историографический сборник. – Вып. 10. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015. – С. 12–52.

7. Мягков, Г. П. Научные школы в российской исторической науке (опыт историографического осмысления последних десятилетий) / Г. П. Мягков, В. П. Корзун // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной) / отв. ред. О.В. Воробьева. – Москва : Аквилон, 2017. – С. 364–409.

8. Корзун, В. П. Научные школы в российской исторической науке: (опыт историографического осмысления последних десятилетий) / В. П. Корзун,

Содержимое доступно по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)

Г. П. Мягков // Профессия – историк (к юбилею Л.П. Репиной) / отв. ред. О.В. Воробьева. – Москва : Аквилон, 2017. – С. 364–409.

9. Корусенко, С. Н. Жизнь & наука: к 25-летию Омского филиала института археологии и этнографии СО РАН / С. Н. Корусенко // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». – 2016. – № 3. – С. 24–42.

10. Крих, С. Б. Как в СССР не сложилась научная школа древней истории: казус Н.М. Никольского / С. Б. Крих // Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории. – 2025. – Т. 92. – С. 227–239.

11. Свешников, А. В. Петербургская школа медиевистов начала XX века. Попытка антропологического анализа научного сообщества : монография / А. В. Свешников ; М-во образования и науки Российской Федерации, Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского. – Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2010. – 406 с.

12. Сыченкова, Л. А. Образ Иеремии Исаевича Тоффе в письмах и воспоминаниях родственников и учеников / Л. А. Сыченкова // Историки об историках. К юбилею профессора Г.П. Мягкова. – Москва : Аквилон, 2022. – С. 209–233.

Content is licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 license (CC-BY 4.0)